Title: Цирульников А. 12 лет. Удостоверение личности

Subtitle: Опыты и модели. Общепедагогические ориентиры

Author: Dima Первая публикация: журнал «На путях к новой школе», 2002 г., № 2
Date: 2007/5/19
URL: http://setilab2.ru/modules/article/view.article.php/c3/144

Ключевые слова: Школа для подростка

Аннотация: "Существует масса всяких теорий о человеческих способностях. В этой чудесной теме (недаром про талант говорят - от Бога) больше, впрочем, неясного. Единственное, чем мы располагаем, что более-менее очевидно - собственная жизнь." - Автобиографический очерк известного ученого-педагога, писателя, журналиста Анатолия Марковича Цирульникова.

Ñóùåñòâóåò ìàññà âñÿêèõ òåîðèé î ÷åëîâå÷åñêèõ ñïîñîáíîñòÿõ. Â ýòîé ÷óäåñíîé òåìå (íåäàðîì ïðî òàëàíò ãîâîðÿò - îò Áîãà) áîëüøå, âïðî÷åì, íåÿñíîãî. Åäèíñòâåííîå, ÷åì ìû ðàñïîëàãàåì, ÷òî áîëåå-ìåíåå î÷åâèäíî - ñîáñòâåííàÿ æèçíü. Îñîáåííî êîãäà åå áîëüøàÿ ÷àñòü ïðîæèòà è íåîæèäàííîñòåé, â ñìûñëå íîâûõ ñïîñîáíîñòåé, íå ïðåäâèäèòñÿ. Îñòàåòñÿ ïîðàäîâàòüñÿ ïî ïîâîäó òåõ, ÷òî åñòü. Åñëè êîãäà-òî áûë ïðèçâàí è, â îáùåì, íå óêëîíÿëñÿ îò ñâîåãî ïðèçâàíèÿ, ìîæíî ïîïûòàòüñÿ çàäíèì ÷èñëîì ïîíÿòü, îòêóäà ó íåãî "ðîñëè íîãè" â äåòñòâå. Çàíÿòèå, ðàçóìååòñÿ, ñóáúåêòèâíîå. Î÷åíü ñïîðíîå. ×àñòíîå.

Прошу прощения у психологов за наглость, я бы назвал способность удостоверением личности. Вот она, на фотокарточке прошлых лет. Ну, уж какая есть. Не хуже, чем ныне.

Отложенная партия

Когда мне было двенадцать лет, знакомый мальчик привел меня в шахматный клуб.

Спортивное общество "Юный динамовец" находилось на Трубной площади, рядом с цирком, в старинном особняке с балкончиком. Внизу, в зале, состязались в белых трико фехтовальщики, а наверху - шахматисты. Руководил юными дарованиями заслуженный мастер спорта Виктор Люблинский. Принимали в клуб "Юный динамовец" просто: с новичком садился за доску шахматист самой низкой квалификации, четвертого или пятого разряда; если новичок не проигрывал, его брали.

В шахматном клубе у Люблинского теории учили мало, в основном, играли, приобретая знания на практике. Года за два, участвуя в турнирах, можно было подняться по квалификационной лестнице до первого разряда.

Что-то в клубе я получил помимо шахмат.

Припоминаю: воскресным утром, аккуратно одетый мальчик, с носовым платком в кармане, доезжал на тридцать первом троллейбусе до конечной остановки, ощущая волнение перед партией. В большой комнате уже стояли расставленные фигуры, шахматные часы, лежали бланки, на которых записываются ходы. Мальчики в чистых рубашках. Что-то в этом было, может быть, от синодального хора.

Я учился не просто логически мыслить, считать на несколько ходов вперед, проводить комбинацию, а побеждать. Да, пожалуй, если бы не эта завершающая кульминация - победа, шахматы ради шахмат меня бы не привлекли. У меня были не бог весть какие шахматные способности, я был просто неглупый, способный, в широком смысле, мальчик, такие обыкновенно достигают определенного успеха в разных видах деятельности, но если становятся мастерами - то в каком-то одном.

Шахматы не были для меня этой деятельностью, на шахматной доске я, по-видимому, "проигрывал" какие-то личные качества, необходимые в другом: сосредоточенность (увы, при неумении быстро переключаться), усидчивость, терпеливость (далеко не во всем), трудолюбие (в том, что любишь). Проигрывая партию, я переживал, но не настолько, чтобы бросить игру. Я думаю, что это имело какое-то значение поздней, при преодолении жизненных проигрышей.

Я стремился быть первым. Моему отцу это качество очень не нравилось, казалось бахвальством. Сам он не был в жизни первым, даже одно время на киностудии работал вторым оператором. А я хотел быть первым, да, я это теперь ясно понимаю.

Желание быть первым, запевалой. Что примечательно - не командиром, не организатором, не капитаном команды. А запевать в хоре, быть первой скрипкой, играть на первой доске.

В "Юном динамовце" это еще как-то удавалось, хотя, впрочем, на первой доске я играл редко. А потом общество временно закрыли, я стал ходить в центральный шахматный клуб на Кропоткинскую, и здесь впервые почувствовал, что такое настоящие шахматы. Тут был гроссмейстер Суэтин, была теория, разбор партий на настенной изящной доске, мальчики-перворазрядники, собранные со всего города. Вот когда я впервые почувствовал, что один и тот же квалификационный разряд может принадлежать борцам разной весовой категории. На первенстве Москвы среди мальчиков я занял предпоследнее место. Я проигрывал, я все время проигрывал. Даже когда на доске была ничья, даже в абсолютно выигрышной позиции, я умудрялся сделать такой ход, что она превращалась в безнадегу.

Еще оставался чистый носовой платок в кармане, трепет перед игрой. Осторожное прикосновение к фигуре ("Поправляю"). Маленький сгорбленный секретарь - служка Изя, в нарукавниках, расставлял шахматные часы. Они шли все быстрей и быстрей. Я часто попадал в цейтнот, откладывал партию и сдавался, не возобновляя игры.

А все же для чего-то это было нужно. Вот теперь, по истечении длительного времени, можно проанализировать отложенную партию. В конечном счете, она заканчивается у всех одинаково, но пока игра продолжается, человек чему-то да учится? Может быть, продумывать и находить сильные за противника ходы, не рассчитывая "на дурака". Приносить жертву за инициативу. Взвешивать собственные шансы.

Мне повезло, я видел выдающихся шахматистов, юных и взрослых. Настоящие дарования. Как и в математической школе, куда я попал благодаря первому разряду (в школьную команду набирали шахматистов). Знаменитый московский учитель Семен Исаакович Шварцбурд сам играл неплохо. Маленький, сухонький, на костылях с детства, с большущим лбом, он был учителем от Бога и полагал, что заниматься серьезно двумя вещами невозможно. Выбирайте, сказал он попавшим в его класс вундеркиндам: математика или шахматы.

Я выбрал математику, к которой был абсолютно не способен.

Я пришел к тебе с приветом

В детстве меня собирались учить на пианино, у нас дома стояло старинное, "Август Фюрстер". Педагог послушал, сказал: у ребенка нет слуха. А со временем обнаружилось: и слух есть, и голос. Звонкий.

В пионерском лагере я был запевалой. Меня сразу в отряде замечали и включали в концерт, одного, или с хором. Пел вот это: "Я первый ученик среди ребят. Пятерки в мой дневник как ласточки летят". А хор говорил: "Хвастун".

Петь мне очень нравилось. Это был мой любимый предмет. Пение и физкультура. Ну, потом еще литература. Самые второстепенные предметы в школе, как тогда были, так и теперь.

А мне нравилось петь. "Ви-жу в не-бе жа-а-воро-онка. Слы-и-ишу пенье со-о-оловья-а. Это русская сторонка, это родина моя"

Конечно, я был не Робертино Лоретти, но пел, без ложной скромности, замечательно. Высокий, звонкий, чистый мальчишеский голос, видимо, пробирал слушателей до комка в горле, до мурашек по коже, как пробирает теперь меня детский голос. Я не мог не чувствовать своего влияния на слушателей, да никто и не скрывал этого.

Однажды, после окончания летней смены (пионерский лагерь был от киностудии имени Горького), в Доме кино меня остановила наша воспитательница и пригласила сниматься в фильме. Помню, что это был фильм Марка Донского "Здравствуйте, дети!", и я тогда учился в пятом классе.

Меня привели на кинопробу. В павильоне студии было много детей в костюмах, гриме. Все крутились вокруг широко известного кинорежиссера, лауреата Ленинской премии.

"Вот, - представила меня воспитательница - ассистент режиссера, - это Толя, он прекрасно поет. Спой, что ты пел в лагере". Я спел "Рушник", по-украински. Донской, родом с Украины, растрогался. "А это знаешь?" - стал называть он какие-то песни. Я ни одной не знал. Он сам спел. Потом посмотрел на меня, видимо, не зная, что делать со мною дальше. "Какие-нибудь стихи знаешь?"

Конечно, не мог не знать. Но в этот момент начисто забыл все от страха. В голове вертелась единственная строчка: "Я пришел к тебе с приветом".

"Можно прочту?" - спросил я. И начал читать, но дальше первой строчки дело не двинулось.

"Я пришел к тебе с приветом. Я пришел к тебе с приветом, рассказать..." - бормотал я. А дальше? Что рассказать? - с ужасом думал я, чувствуя, что проваливаюсь, окончательно проваливаюсь.

Со всех сторон начали подсказывать.

"Рассказать, что солнце встало..." - шепнул оператор. "Что оно горячим светом, - шептал папин знакомый директор картины, - по листам затрепетало...".

Все было напрасно. Я стоял как вкопанный.

"Он растерялся", - предположила ассистент. Донской с сомнением посмотрел на меня. "Может быть, он что-то еще может?"

Ну что я мог? Ничему меня не учили. Нотной грамоты я не знал, ни на одном инструменте играть не умел, до такой степени был в этом неразвит, что когда позже стал писать песни, собственную музыку запоминал так: ставил крестики, цифры, прямо на клавишах пианино, а потом кто-нибудь записывал в нотах.

Единственным инструментом в детстве был голос.

Непонятно, зачем дается такой голос в детстве, если мы потом не становимся певцами. С какой целью? Или никакой цели нет, и чистый детский голосок - просто один из многих в хоре, в котором сливаются щебетанье птиц, шепот капель, шум ветра в верхушках деревьев... Или, может быть, голос ребенка - нечто вроде жаберной щели, которая существует, говорят, у человеческого зародыша, когда у него еще нет ни лица, ни рук, ни легких, а когда они появляются, она исчезает.

У всех почти, кто изумлял в детстве голосом, он ломается и пропадает.

Пропал и у меня.

Проба пера

Свою первую вещь я написал в тринадцать лет. Произведение, страниц в двести, называлось в духе того времени: "Сквозь бездну Вселенной".

Получилось это так: один парень из нашего двора под большим секретом сообщил мне, что американцы нашли в пустыне Сахара ящик из неизвестного материала, а в нем - карту Земли, с такими приплюснутыми полюсами, которые у нее были, когда еще никого не было. "Кого не было?" - не понял я. - "Людей" - "Как это, а кто же тогда карту нарисовал?" - "В том-то и дело..." - многозначительно заметил мой собеседник.

Я был ошарашен. Возможно, поводом к литературе и должна быть "ошарашенность".

Спустя какое-то время я взял тетрадку и стал записывать в нее собственную версию происшедшего. Действие первой главы происходило где-то в обсерватории на Земле, а второй - на Альфе Центавра. К такому развитию событий я был подготовлен чтением советской научно-фантастической литературы, типа популярных в те годы книжек Казанцева, Ефремова. Своих первых героев, думаю, я списал оттуда. Но как бы то ни было, ежедневно, после уроков, я садился за стол и писал очередную главу разворачивающихся как будто не по моей воле событий. Это не было похоже на школьное сочинение, там я отвечал на заданные вопросы, а тут сам их ставил. Мне и сейчас странно, откуда могла взяться у мальчишки, предпочитавшего всему футбол, такая усидчивость. Писал я, наверное, месяц с лишним, а когда кончил, передо мной лежала стопка исписанных тетрадок. Оставалось придумать название и под ним вывести: "повесть".

Мама отдала ее перепечатать машинистке, а я поехал в пионерский лагерь и с нетерпением ждал посылки. Помню, как, затаив дыхание, нес напечатанное произведение с почты, продираясь сквозь заросли кустов.

Теперь я был писатель.

Вот вопрос, который любят освещать в предисловиях к собраниям сочинений: как формируется, возникает писатель. Откуда? Кто оказал на него влияние? Обыкновенно, находят кого-то. Но ведь это ничего не объясняет.

Сочинительство - загадка, которая не разгадана никем, включая самих сочинителей. Хотя им дано знать с самого начала, кто они. Мне не было тринадцати, а я уже знал, что я писатель, был убежден, что именно это мое призвание.

Ну, как объяснить? Без профориентации, без поддержки, без литературного образования (классику стал читать только после окончания школы), на одной научно-фантастической литературе? Да плевать призванию на схемы. Толкнуло, и все.

Но, конечно, если разбираться в подробностях, то кое-что обнаружится. И моральная поддержка взрослых - мое мальчишеское писательство одобрял отец (он был киношником и давал почитать мои сочинения приятелям-сценаристам, один украл у меня сюжет, о чем отец с гордостью всем сообщал). И литературное образование - тоже все-таки было, неформальное, в знаменитом литобъединении ЦДКЖ "Магистраль" (откуда вышло немало разного пишущего народа), под патронажем критика и поэта Григория Левина.

Это было немаловажно: среда, критика, литературные образцы. Но учился ремеслу я все же сам, на своих собственных вещах и книгах любимых писателей, высматривал, как строится фраза, диалог, синтаксис. Подражал Бредбери, Хэмингуэю, Гоголю, с его верстами перечислений, мимо которых несется "тройка". И я несся - с остановками у Экзюпери или Пришвина, у которого учился "родственному вниманию" к природе (лет с двадцати регулярно, как на работу, выходил в лесок, наблюдал и записывал что-то в дневник о весеннем небе, "набухшем как почка"). А у Бунина и Катаева перенимал способность живописать увиденное на улице (недавно попала в руки одна из тех тетрадок, и я поразился, как систематически, упрямо, оказывается, я учился писательскому ремеслу, профессионально самообразовывался).

Призвание - это самообразование

Конечно, упорными бывают и графоманы, но обыкновенно, нормальный человек не будет настойчиво изучать то, к чему не способен, попробует раз-другой, и бросит. На этом, кстати, строил свою известную, но, мне кажется, мало изученную систему, замечательный педагог Игорь Павлович Волков, подбрасывая детям разные занятия: писание стихов, конструирование, изобретательство... Все пробовали и бросали. Один какой-нибудь продолжал. Возможно, вообще, максимум, что может себе позволить педагог в отношении способности ребенка - это дать попробовать. И все, уйти в сторону. И появляться не часто, когда сам попросит.

Еще вот что неясно: какой для призвания лучше путь - прямой, как кратчайшее расстояние между двумя точками, или зигзагом. У меня был черт знает какой зигзаг.

В разгар перехода от фантастики к белому стиху зачем-то пошел учиться в математическую школу. Влекла не способность, а любопытство - что там, в необычной школе. (То, что такая бывает, догадывался благодаря кружку по математической генетике, который у нас, в обычной школе, вели студенты: "Рецессивная аллель влияет на фенотип, когда генотип гомозиготен" - эта абракадабра врезалась в память на всю жизнь). В отличие от элементарной математики, тут я не чувствовал себя ущемленным. А мне, как теперь понимаю, было мало ощущать себя в чем-то первым, хотелось еще не хуже других быть - в остальном...

"Остальное", в начале 60-х, связывалось не с "лириками", а с "физиками", способные ребята шли в математические школы. Каким-то чудом меня, троечника (впрочем, об этом никто не знал, я переписал дневник) приняли в одну из самых сильных школ - 444-ю в Измайлове, в класс к Семену Исааковичу Шварцбурду. Тогда еще не член-корреспонденту, но уже автору учебников и основателю первой в стране школы с классами программирования.

Семен Исаакович был педагог такого класса, что если уж ты попадал к нему в руки, то совершенным профаном, дураком в математике, выйти от него не мог. Да и в других вещах - тоже. Это была школа с большой буквы, по сути, лицей, и мы были лицеистами, или как выражался некогда один старый министр-реакционер, "аристократией ума".

"Математика - это язык" - говорил Шварцбурд. "Урок надо вести так, чтобы мысль ученика была чуть-чуть впереди мысли учителя". Зачем он говорил это нам, пятнадцатилетним? Зачем подбрасывал в список заданий на дом задачку - из нерешенных человечеством? Вряд ли он думал, что можем решить, но, видимо, считал, что стоит помучиться. Нужно ли было это мне? Не знаю. Не попади я в класс к Шварцбурду, судьба могла сложиться иначе. Например, я бы не стал доктором наук, и кандидатом не стал. Вообще, мог не закончить института. Не раздваивался бы всю жизнь. Не забывал бы ни на минуту, что великий, непризнанный. И в конце концов... бросил бы. А так - пишу. Это смешно: кто может знать, какой путь лучший? Да тот, которым идешь.